

Даценко Ю.В.

УДК 821.112.2

**РЕАЛИЗАЦИЯ «ГАБСБУРГСКОГО МИФА» В ТРАГЕДИИ
Ф. ГРИЛЬПАРЦЕРА «ЛИБУША»**

Трагедия «Либуша» (1847) занимает особое место в творческом наследии Ф.Грильпарцера: воплощая в себе эстетические и социально-политические взгляды зрелого художника, она является кульминацией развития его творческого метода – мифологизации и одновременно итогом авторской реализации мифологизма.

Работая с европейской историей Ф.Грильпарцер обратил внимание на известную историю о дочери князя Крока Либуше, которая избрала себе в мужа, а стране в правители человека из народа, основав новую династию. Эта тема уже получила свое отражение в европейской культуре («Краледворская рукопись» В.Ганки, «Песнь народов» Й. Гердера, «Основание Праги» К. Brentано), однако поэт решил обработать сказание в виде мифологической трагедии. По словам В.Зоргенфрей, «на сумрачном фоне заката языческого периода создана трагедия любви, приносящей себя в жертву и открывающей своим отречением новые пути к неизведанным, смутно чувствуемым просветам истории» [2, с. 11]

Чувства, возникшие у княжны к простому земледельцу, пробудили в ней интерес к земной жизни, готовность к управлению народом, к политическим действиям. «Женская империя» Либуши является «творением мысли», «эстетическим государством» (по Ф.Шиллеру), образцом литературной утопии. Либуша – мечтательница, которая в своей управленческой политике пытается реализовать идеалы равноправия и свободы.

Своими принципами правления молодая княжна считала разум, справедливость, любовь к народу. Ее власть была «уздой нестрогой», «без кнута и шпор», основанная на взаимном доверии, верном подданстве и братском равноправии. Свое правление Либуша представляла добровольной жертвой, принесенной во благо своего народа, во исполнение его воли и продолжение дела отца:

Wenn nun des Vaters Geist auf mir beruht,	Но если дух отца ко мне сойдет,
So fügt sich, wie es kann und, hoff ich, gut.	Не пропадем – и я и весь народ.
[2 (2), с. 273].	[1, с. 660].

Такое правление имело положительные результаты, продемонстрированные многочисленными сценами: в стране царит мир, человек после работы имеет возможность отдохнуть, каждый может следовать своим чувствам и желаниям, все сыты, счастливы и свободны. Оно является проекцией мифологического «золотого века» человечества с его идеалами любви, свободы, благодати. Либуша заботилась о людях, лично решала возникающие споры, утверждала женское равноправие и свержение рабства. Но такое правление было возможно только при условии, что каждый следует законам благоразумия и понимания, когда менталитет отдельного человека направлен не на себя и свои интересы, а на общее дело.

Однако среди не привыкшего к вольной жизни народа возникли недовольства: мужчины критиковали высокое положение женщин, господа – возвышение низших слоев. Конфликтующие стороны требовали установления и защиты своих прав, не принимая позиции «общего блага», видя в установленном законом праве лишь собственную выгоду и пользу. Но «философия единства» Либуши, ее понимание социальной жизни, основаны на законах природы, на отрицании понятия права, на отказе от какого-либо деления и споров:

Von allen Worten, die die Sprache nennt,	Нет слова ненавистней
Ist keins mir so verhaßt, als das von Recht.	Мне в языке людей, чем это «право»!
Ist es dein Recht, wenn Frucht dein Acker trägt?	По праву урожай тебе приносят
Wenn du nicht hinfällst tot zu dieser Frist,	Твои поля? Вот ты сейчас живешь, -
Ist es dein Recht auf Leben und auf Atem?	Живешь и дышишь по какому праву?
[2 (2), с. 293].	[1, с. 690].

Правление Либуши вступает в неразрешимое противоречие с «волей» народа, требующего установления права и справедливости, «железного» закона, вместо здравого смысла. Народу необходима «сильная мужская» рука, которая бы им правила, его не останавливает предупреждение княжны, что такое управление регламентирует все аспекты жизни, и люди будут платить налог на воздух и на хлеб насущный. «Золотой век» женского правления должен смениться «железным веком» мужской власти, миф перейдет в историю, догосударственное природное существование общины – в действительное государство, основанное на законе и принуждении, налогах и поборах.

В древних летописях и в «Основание Праги» К. Brentано, строительство города представлено как воплощение божьего плана, с чем существенно расходится интерпретация Ф. Грильпарцера, согласно которой пророчество будущего города отличается глубоким скепсисом. Главный аргумент Либуши против основания города заключается в угрозе отделения человека от природы и Вселенной, потере его единства:

Und fürchtest du denn nicht, daß deine Mauern,	А не боишься ты, что ваши стены,
Den Menschen trennend vom lebendgen Anhauch	Лишив людей дыхания природы,
Der sprossenden Natur, ihn minder fühlend	И обеднят и искалечат их,
Und minder einig machen mit dem Geist des All?	И чуждой сделается им душа вселенной?
[6 (2), с.329].	[1, с.739].

В 1966 году германист из Триеста, Клавдио Магрис ввел в обиход термин «габсбургский миф» о «счастливой Австрии», хранительнице последних культурных ценностей. Константами этого мифа

являются два крыла легендарного габсбургского орла - аркадия. Идея апокалипсиса и чувства резервации настоящей Европы составляют основу этой легенды. Трактование мифа основывается на понятии счастливого, гармоничного сосуществования многочисленных габсбургских народов, их открытости по отношению к соседям, то есть идеи мультикультурализма. Философская эстетика Ф. Грильпарцера, реализованная в трагедии «Либуша», передает идеи, которые впоследствии функционируют как «австрийский миф» К. Маргиса, и как принципы демократии известного австрийского и британского философа и социолога XX века Карла Раймунда Поппера об идеале открытого общества. Образ Либуши, героини трагедии Ф. Грильпарцера, а также способы ее правления, являются непосредственным художественным воплощением «габсбургского мифа» К. Маргиса, идеалов равноправия и свободы Карла Раймунда Поппера.

Известный украинский исследователь австрийской литературы Е.И. Нечипорук также отмечал в своих работах актуализацию «габсбургского мифа» в некоторых произведениях австрийских авторов: «Десятилетия, предшествовавшие первой мировой войне, Цвейг определил как "золотой век надежности" и в качестве убедительнейшего примера тогдашних стабильности и терпимости избрал Австро-Венгерскую империю... Это - миф. "Габсбургский миф", и по сей день довольно распространенный, несмотря на то, что империя рухнула, что задолго до крушения жила, что называется, попущением Господним, что была раздираема непримиримыми противоречиями, что слыла историческим реликтом, ... что все ее крупные писатели, начиная с Грильпарцера и Штифтера, ощущали и выражали приближение неминуемого конца» [3].

Историческую роль так называемых «политических псевдомифов» исследовали известные мифокритики К. Кереньи, М. Элиаде, А. Лосев. «Ненастоящая» форма мифа отличается от истинной тем, что она не является архаическим феноменом (в смысле Гете), а возникает спонтанно или заимствуется в истории с целью манипулирования ради достижения политических целей. Это же, как утверждает современный немецкий философ К. Хюбнер, в отличие от указанных исследователей мифов, может происходить и с архаическими мифами (в качестве примера исследователь приводит «Энеиду» Вергилия, служившую идеологической поддержкой реноваций Августа) [5]. Такую же манипуляцию реальным мифом мы наблюдаем в пятом акте «Либуши», когда прагматичный Пршемысл пытается основывать «государство всеобщего благосостояния» не путем рациональной договоренности с гражданами (волевым решением), а с помощью освящения «высшими» (трансцендентными) силами. Согласно его рассказу, именно «высшие» силы указали горожанам место, где нужно возводить город, обозначив его словом «Прага» - порог, которое произнес встреченный ими в лесу человек, рубивший дуб:

Das fiel die Männer, wie von oben, an, Hier soll sie stehn, so riefen sie, die Stadt, Und Praga soll sie heißen, als die Schwelle, Der Eingang zu des Landes Glück und Ruhm.	И старики вскричали: «Здесь должен он стоять, наш новый город, И Прагой пусть зовется как порог, Как вход для счастья нашего и славы»
[6 (2), с. 331].	[1, с. 741].

В «Либуше» автор изображает Пршемысла в роли поэтического предшественника мифоидеологов будущего столетия, инициаторов политических псевдомифов, оказавших значительное влияние на историю XX века (миф о превосходстве немецкой нации, о коммунистическом обществе и др.). Земледелец доказывает необходимость основания города, не только объясняя его преимущества и ссылаясь на согласие старейшин, но и указывая на поддержку «высших» сил: «Да, видимо за нас и небеса» [1, с.741] (*Ja, selbst der Himmel, sheints, stimmt mit uns ein*) [6 (2), с. 330]. Исходя из этого, Пршемысл создает «древний» миф о Праге как о священном Богом пороге в счастливую и славную жизнь, в создании которого также участвует мифологизированная природа, «отдавая себя деянию людей». С целью поддержки мифологического настроения ситуации он пытается использовать дар пророчества Либуши для предсказания будущего города. В словах Либуши: «Я вижу, ты теперь со мной в согласье» Д. Борхмейер отмечает авторскую иронию. То, что для провидицы составляет глубокое религиозное сознание, для Пршемысла является ловким идеологическим ходом, своевременным и правильно подготовленным (еще до разговора с Либушей он «распорядился» относительно Божьей воли и подготовил культовый ритуал освящения) [6 (2), с.741]. То, что он манипулирует мифом, используя его в качестве инструмента для достижения собственных целей, отчетливо видно из его слов:

Ich wünsche dieses Werk als Götterwille, Als einen Wink von Oben angesehen. Wir haben einen Altar aufgerichtet, Und Opfer sollen weihen unsern Platz.	Пусть боги наше дело освятят, Как ими посланное указанье. Мы каменный алтарь уже сложили, Чтоб жертву принести на месте том.
[6 (2), с. 332].	[1, с. 741].

Причиной этой катастрофы Либуша называет то, что боги так же оставят человечество, «закроются золотые двери неба» и земля не получит больше божьих даров и благословения, как в мифологическую эпоху. Новый мир, созданный волей и деяниями людей, получает в пророчестве утопические перспективы, лишённые трансцендентного освящения:

Dann kommts an euch, an euch und eure Brüder, Der letzte Aufschwung ists der matten Welt. Die lang gedient, sie werden endlich herrschen, Zwar breit und weit, allein nicht hoch noch tief;	А под конец и вам и вашим братьям Настанет время – предзакатный взлет Слабеющего мира. Вы служили, И вам царить. Пускай не вглубь и ввысь, А вдаль и вширь стремиться ваше счастье
[6 (2), с. 341].	[1, с. 753].

Таким образом, реализация «габсбургского мифа» о «счастливой Австрии» получает у Ф.Грильпарцера всемирно-историческое значение, переходит в конфликт между мифом и историей. Мифически-женский век, по словам Д. Борхмейера, замещается исторически-мужским, что у Ф. Грильпарцера связано с миром идей, без каких-либо мотивов чувств или страданий, «актуализировано как история любви, в которой всемирное действие выражается через интимное: историческая парабола как психологическая камерная пьеса» [5, с. 63]. Идеи Ф.Грильпарцера о позитивном мифологическом правлении матриархата (в отличие от современной цивилизации) созвучны взглядам немецкого философа Й. Бахофена, считавшего матриархат «древнейшим правом золотого века» [4, с.45], реализацией «поэзии истории» [4, с. 24]. Древнее женское правление, по мнению философа, связанное с дарами пророчества, волшебства и исцеления, было основано на принципах природы, чуждым позитивному праву. Последнее прорицание Либуши, содержащее надежду на возвращение «золотого века» истории, коррелирует с прогрессивными историческими убеждениями Й. Бахофена о том, что человечество в своем стремлении к цели вернется к своим истокам: «Цель человечества – с помощью свободы и сознания достичь того, чем первый смертный бессознательно владел по своей природе. «Габсбургский миф» К. Маргиса в художественном воплощении Ф.Грильпарцера амбивалентен и утопичен. Следуя канонам классического жанра трагедии, автор представляет современную интерпретацию известного мифологического сюжета. Образ Либуши олицетворяет собой исторический миф, архетипные константы человеческой и окружающей среды. В основе характеристики персонажа Пшемисла заложено «осовременивание» мифа сквозь призму закономерной реальной действительности. Иронично противопоставляя мужское начало женскому, автор создает сложный мифопоэтический подтекст, демонстрирует неординарный подход к мифологическому материалу, общеизвестному мифу о возникновении города Праги. В авторском мифе Ф. Грильпарцера успешно реализован персонифицированный образ «счастливой Австрии». Героиня трагедии «Либуша» воплощает в себе идею счастья, добра и справедливости, иначе говоря, «золотой век» человечества, при котором актуализируется оптимальная форма государственного правления и гражданского духовного развития. Таким образом, «Габсбургский миф», успешно воплощенный в мифогенной австрийской литературе конца XIX века, и в наши дни составляет неотъемлемую часть «поставстрийского дискурса».

Источники и литература:

1. Грильпарцер Ф. Пьесы / Ф. Грильпарцер. – Л., М. : Искусство, 1961. – 767 с.
2. Зоргенфрей В. Предисловие / В. Зоргенфрей // Любуша / Ф. Грильпарцер. – Петроград : Иностраный театр, 1909. – 78 с.
3. Нечипорук Е. И. Литература Австрии и Швейцарии: 1917-1945 : [Электронный ресурс] / Е. И. Нечипорук. – Режим доступа : http://ae-lib.org.ua/texts/nechyporuk_austrian_1917-1945_ru.htm/
4. Bachofen J. J. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaiokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Eine Auswahl / J. J. Bachofen. – Frankfurt am Mein : Suhrkamp, 1975. – 549 s.
5. Borchmeyer D. „Libussa“ Grillparzers Mythos vom Tod des Mythos / D. Borchmeyer // Historie und Gegenwartigkeit [Hrsg. von Gerhard Neumann] / F. Grillparzer. – Freiburg im Breisgau : Rombach. 1994. – S. 59-122.
6. Grillparzer F. Sämtliche Werke. Ausgewählte Briefe, Gespräche, Berichte. 4 Bände. [Hg. von Peter Frank und Karl Pömbacher] / F. Grillparzer.– München : Carl Hansen Verlag, 1960–1965. – Bd. 2 : Dramen II, Dramenfragmente und Pläne. – 1314 s.
7. Hübner K. Die Wahrheit des Mythos / K. Hübner. – München, 1985. – 405 s.

Коршунова І.Г., Михайличенко Г.Б.

УДК 811'246.3[.111+161.1/.161.2]:172.3

МОВНА ПОЛІФОНІЯ ЧИ КОНФЛІКТ СВІДОМОСТІ?

Постановка проблеми. Сформовані в узусі, мовні норми є стихійною реакцією колективу щодо запобігала ним конфліктів. Норми – це стихійна конвенціональність, іншими словами – певний консенсус творця й реципієнта мовної інформації, за допомогою чого швидко встановлюється прагматичний комунікативний контакт. Водночас певні функціональні типи норм опиняються поза межами стихійної нормотворчості й тоді настає черга кодифікації, як правило «уповноважених на це компетентних органів». Але їх нормотворчі можливості часто обмежені, й у такому разі низка мовно-мовленнєвих конфліктів, не розв'язаних природним шляхом, напрацьованих повсякденною етичною практикою (разом із кодифікаторами-лінгвістами) та мовним онтологічним механізмом, виходить на соціальний рівень конфліктності [1]. Остання регулюється встановленими приписами, скажімо правописом, словником чи законом про мови. Тобто мовні й культурно-етичні норми щільно переплітаються, що належним чином ще не досліджено.

Безумовно, що кодифікація повинна спиратися на матеріал природної мови й мовлення, зокрема загалу мовних реципієнтів. Саме у цьому виявляється повага й толерантне ставлення до самої мови, рівно як і навпаки.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Зазвичай, зокрема серед радикалів-лінгвістів, переважають тенденції захисту мови шляхом заборон, оголошення усього не національного поза законом. Або навпаки, інша крайність, змінювати мову відповідно до суб'єктивних уявлень певної школи, групи, а інколи й